

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ТЕРЕЩЕНКО

аспирант кафедры экономической теории и менеджмента
экономического факультета, Петрозаводский государ-
ственный университет (Петрозаводск, Российская Феде-
рация)
dter@petrsu.ru

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН ТРАНЗИТИВНОГО ТИПА*

В работе проводится оценка близости российской модели экономического роста к модели роста стран транзитивного типа с точки зрения системы институциональных факторов. В качестве институциональных факторов рассматриваются эффективность бюрократического аппарата, эффективность бизнес-коалиций, эффективность гражданского общества, уровень демократии, качество судебной системы, уровень антикоррупционного контроля и уровень информационной открытости. Проводится сравнительная оценка институциональных моделей Российской Федерации, бывших республик СССР, стран с формирующимся рынком (на примере стран БРИКС), а также среднемировой институциональной модели. По итогам работы можно отметить следующее: институциональное моделирование российского народного хозяйства как экономики транзитивного типа может лишь частично объяснить институциональное развитие Российской Федерации. С точки зрения показателей статистики институциональных факторов российская модель экономического роста близка к модели бывших советских республик, а по показателям темпов прироста – к модели стран БРИКС.

Ключевые слова: экономический рост, институты, институциональные факторы, экономический транзит, транзитивная экономика

Важной тенденцией в науке на сегодняшний день становятся разработки в вопросах обоснования деления стран мира в зависимости от различных черт их развития на группы с целью разработки рекомендаций в области социально-экономической политики для конкретного типа страны. Построение национальной модели развития может производиться по различным классификационным признакам. При этом ни один из критериев не позволяет с абсолютной точностью идентифицировать ту или иную социально-экономическую систему, поэтому для анализа общественной действительности необходимо применение междисциплинарного подхода, исследование различных аспектов развития [2; 49]. Целью данной работы является оценка близости российской модели экономического роста к модели роста стран транзитивного типа с точки зрения системы институциональных факторов.

В России переходный период связывают как с экономическими (построение рыночной экономики), так и с политическими преобразованиями (демократизация политического режима). Однако два этих процесса являются независимыми друг от друга: процесс демократизации необязательно сопровождает становление рыночной экономики и институтов капитализма ввиду того, что эти цели могут быть достигнуты и при авторитарной форме правления [1; 102].

Процесс экономического перехода можно рассматривать в двух смыслах: широком и узком. Оба указанных понятия, в определенной степени отражающие состояние российской эко-

номики, означают расположение страны в промежуточном состоянии между развитыми и развивающимися странами.

Под странами с переходной экономикой в узком смысле понимаются бывшие социалистические страны, к которым относятся бывшие советские республики, а также ряд стран Центральной и Восточной Европы. Отнесение этих стран в одну группу связано с тем, что все они сталкиваются на современном этапе с однотипными экономическими проблемами из-за наличия у них общего социалистического прошлого. При этом отсутствие завершенных институциональных реформ в странах с переходной в узком смысле экономикой является основным препятствием их успешного экономического развития. Институты, образованные в рамках социалистического строя, не могли обеспечить эффективной защиты прав частной собственности и механизмов исполнения контрактов, поэтому все страны с переходной экономикой столкнулись с проблемой построения новых институтов [6].

Таким образом, для понимания процесса экономического перехода нужно рассмотреть характерные для данной группы стран особенности системы институциональных факторов. К институциональным факторам функционирования экономики относятся: эффективность бюрократического аппарата, эффективность бизнес-коалиций, эффективность гражданского общества, уровень демократии, качество судебной системы, уровень коррупции и уровень информационной открытости [4].

Для включения проблем экономического перехода в процесс институционального моделирования экономики большей целесообразностью обладает изучение именно бывших республик СССР, так как страны Центральной и Восточной Европы, не относящиеся к бывшим советским республикам, могут считаться намного более успешными как с точки зрения институционального развития, так и с позиций экономического роста.

Под странами с переходной экономикой в широком смысле, иначе говоря, странами с формирующимся рынком, понимаются страны, находящиеся в процессе проведения экономических реформ по перестроению народного хозяйства с тем, чтобы догнать экономически развитые страны. При этом критерием, определяющим существование реального процесса перехода, считается наличие явных успехов в экономическом развитии и росте народного хозяйства страны. Поэтому при анализе институциональных факторов роста российской экономики в рамках данной группы государств особое значение приобретает изучение объединения стран, получившего название БРИКС (BRICS; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

В качестве основных причин, по которым данную группу стран принято рассматривать как обладающее перспективами объединения, называют то, что эти страны обладают значительными экономическими, военными и политическими властными ресурсами, желают играть более важную роль в международных отношениях, активно взаимодействуют друг с другом, а также «заметно отличаются от остальных стран второго порядка и держав средней величины» [7; 1–3].

В то же время, несмотря на высокие темпы экономического роста, в странах БРИКС фактически отсутствовали положительные сдвиги в институциональном развитии [5; 124]. При этом зачастую указывают на низкий уровень развития РФ по отношению к остальным странам БРИКС. В частности, отмечается факт качественного отставания социально-экономической сферы и науки России от развитых, а также от других стран, входящих в группу [3; 140].

Таким образом, основными задачами на данном этапе исследования становятся сопоставление институциональной и экономической динамики в отдельно взятой России в среднем по группе бывших советских стран и группе БРИКС, а также в среднем по миру.

По данным Всемирного банка, РФ на протяжении десяти лет производит ВВП на душу населения, превышающий как среднемировое значение (8933,3 междунар. долл.), которое наиболее близко к российскому (12134,4), так и средние значения по странам бывшего СССР (5419,3) и странам БРИКС (3975,2). Если рассматривать

экономическую динамику (темпы прироста величины ВВП на душу населения), то российская модель экономического роста (5,2 % в год) ближе к постсоветским странам (6,1) нежели к странам БРИКС (7,5) или среднемировому уровню (2,3).

В институциональной гипотезе экономического роста предполагается, что фундаментальной причиной экономической динамики являются институты, поэтому близость величины душевого ВВП к среднемировому могла быть вызвана зависимостью от мировой конъюнктуры, а близость к бывшим советским республикам по темпам прироста этого показателя – схожестью институционального развития.

Для количественной оценки институциональных факторов используются индикаторы, разработанные Всемирным банком, Freedom House и Организацией Объединенных Наций¹. Обобщенные результаты расчетов по каждому фактору по группам стран представлены в табл. 1 (показатели статистики) и 2 (показатели динамики).

Таблица 1

Экономический рост и его институциональные факторы в период 2001–2010 годов (показатели статистики)

Выборка	Показатель							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мир	8933,3	49,9	49,9	62,5	60,7	49,9	50,0	30,3
РФ	12134,4	42,0	43,7	33,3	21,7	31,9	31,8	34,6
Бывшие республики СССР	5419,3	41,4	43,3	47,7	41,9	38,6	37,4	29,4
БРИКС	3975,2	53,0	50,6	60,8	64,2	47,0	46,5	50,6

Примечание. Расчетные показатели: 1 – ВВП на душу населения, междунар. долл., 2 – эффективность бюрократического аппарата, 3 – эффективность бизнес-коалиций, 4 – эффективность гражданского общества, 5 – уровень демократии, 6 – качество судебной системы, 7 – уровень антикоррупционного контроля, 8 – уровень информационной открытости

Таблица 2

Экономический рост и его институциональные факторы в период 2001–2010 годов (показатели динамики)

Выборка	Показатель (темпы прироста, %)							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мир	2,3	0,1	0,1	1,0	0,0	0,2	0,1	3,6
РФ	5,2	–0,2	–0,4	0,0	–5,6	0,8	–1,1	15,9
Бывшие республики СССР	6,1	1,5	1,4	1,5	–0,8	1,2	0,6	16,9
БРИКС	7,5	0,0	–0,1	0,8	0,0	0,4	–0,3	–5,8

Примечание. Расчетные показатели: 1 – ВВП на душу населения, междунар. долл., 2 – эффективность бюрократического аппарата, 3 – эффективность бизнес-коалиций, 4 – эффективность гражданского общества, 5 – уровень демократии, 6 – качество судебной системы, 7 – уровень антикоррупционного контроля, 8 – уровень информационной открытости

Значения эффективности бюрократического аппарата для России (42,2 балла) и для постсоветских стран (41,4) очень близки друг к другу и при этом уступают среднемировому значению

(49,9) и среднему значению по группе БРИКС (53,0). При этом анализ темпов прироста значений этого фактора показывает близость РФ (–0,2 %) в первую очередь к странам БРИКС (0,0), во вторую – к среднемировым тенденциям (0,1) и только в третью – к бывшим советским республикам (1,5).

Значения показателей статистики фактора эффективности бизнес-коалиций для России (43,7) и стран бывшего СССР (43,3) на протяжении десяти лет уступают значениям, показываемым в среднем по миру (49,9) и в странах БРИКС (50,6), что опять же подтверждает выдвинутый выше тезис. При этом темпы прироста значений фактора эффективности бизнес-коалиций для РФ (–0,4) делают российскую модель экономического роста с этой точки зрения ближе к модели стран БРИКС (–0,1), нежели к среднемировой (0,1) или модели постсоветских государств (1,4).

По показателю эффективности гражданского общества РФ (33,3 балла) значительно уступает как среднемировому уровню (62,5), так и среднему уровню стран БРИКС (60,8) и стран бывшего СССР (47,7). Анализ темпов прироста институциональной эффективности гражданского общества показывает: для РФ они равны нулю (0,0 %), то есть также значительно ниже аналогичных показателей для стран БРИКС (0,8), которые вновь являются наиболее близкими по темпам прироста, бывших советских республик (1,5), а также среднемировых значений (1,0).

Значения уровня демократии для РФ находятся на крайне низких позициях (21,7 балла) и имеют тенденцию к понижению (темпы прироста составляют –5,6 %). Темпы прироста значений данного фактора в бывших республиках СССР также имеют нисходящий характер (–0,8), в отличие от ситуации в странах БРИКС (0,0) и общемировых тенденций (0,0). При этом уровень демократии в странах на постсоветском пространстве (41,9) существенно уступает уровню, наблюдаемому в странах БРИКС (64,2), а также среднемировому уровню (61,7).

Анализ фактора качества судебной системы подтверждает близость российской институциональной модели экономического роста (31,9 балл.) к модели стран постсоветского про-

странства (38,6) по сравнению с моделями стран БРИКС (47,0) и среднемировой (49,9), если судить по показателям статистики этого фактора. Однако с точки зрения темпов прироста его значительная российская модель (0,8 %) одинаково близка как к бывшим республикам СССР (1,2), так и к странам БРИКС (0,4), но заметно отличается от среднемировой модели (0,2).

Уровень антикоррупционного контроля в странах БРИКС (46,5 балла) уступает среднемировому уровню (50,0), но превышает среднее значение этого показателя в постсоветских странах (37,4); результат же России (31,8) находится еще на более низком уровне, то есть и по этому параметру модель РФ ближе к модели постсоветских государств (с точки зрения показателей статистики). С точки зрения темпов прироста российская модель (–1,1 %) ближе к модели стран БРИКС (–0,3), обе модели имеют отрицательные темпы прироста, в отличие от среднемировых тенденций (0,1) и модели бывших советских республик (0,6).

Показатели уровня информационной открытости указывают на то, что РФ в статике (34,6 балл.) ближе к среднемировой модели (30,3), нежели к моделям бывших советских республик (29,4) и стран БРИКС (50,6). В то же время по темпам прироста Россия (15,9 %) ближе к показателям группы постсоветских государств (16,9), чем к среднемировым значениям (3,6) и показателям стран БРИКС (–5,8).

Таким образом, институциональное моделирование РФ как страны транзитивного типа лишь частично объясняет российское институциональное развитие. С точки зрения показателей статистики институциональных факторов российская модель близка к модели бывших советских республик, а по показателям темпов прироста – к модели стран БРИКС. Следовательно, при планировании проведения институциональных реформ нельзя замыкаться на одной модели экономического роста – нужно учитывать различные аспекты развития страны и комплексно подходить к анализу институциональных показателей, опираться на опыт многих государств, а также учитывать уникальные особенности, присущие экономике России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Влияние институциональных факторов на инвестиционный климат стран с транзитивной экономикой»), проект № 13–32–01269, и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Конкретно используются следующие показатели: индикатор эффективности органов государственного управления семейства индексов Worldwide Governance Indicators (WGI) – для измерения эффективности бюрократического аппарата; индикатор качества законодательного регулирования WGI – для измерения эффективности бизнес-коалиций; индикатор гражданских свобод Freedom House – для измерения эффективности гражданского общества; индикатор политических прав Freedom House – для измерения уровня демократии; индикатор верховенства закона WGI для измерения качества судебной системы; индикатор антикоррупционного контроля WGI – для измерения уровня антикоррупционного контроля; подындекс развития правительственных веб-сайтов индекса готовности стран к использованию электронного правительства (E-Governance), разрабатываемого Департаментом экономического и социального развития ООН – для измерения уровня информационной открытости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнаи Я. Что означает «изменение системы»? // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 99–112.
2. Левкин Н. В. Типология социально-экономических систем с позиций интегральной психологии: сила идей и образов // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2012. № 4. С. 48–54.
3. Лобанов В. В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 136–145.
4. Терещенко Д. С. Экономический рост в странах БРИКС: роль и влияние институциональных факторов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 86–97.
5. Ясин Е., Снеговая М. Институциональные проблемы России в мировом контексте // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 114–128.
6. Beck T., Laeven L. Institution Building and Growth in Transition // Journal of Economic Growth. 2006. № 11. P. 157–186.
7. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would Be Great Powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82. № 1. P. 1–19.

Tereshchenko D. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMPORTANCE OF INSTITUTIONAL FACTORS FOR ECONOMIC GROWTH IN TRANSITION COUNTRIES

The paper assesses similarity of the Russian model of economic growth to the growth model of transition countries from the standpoint of institutional factors. Efficiency of bureaucracy, business coalitions, and civil society together with the level of democracy, anti-corruption control, information transparency, and quality of the established judicial system are considered institutional factors. The paper contains a comparative assessment of the institutional models of the Russian Federation, former Soviet republics, emerging markets (for example, the BRICS countries), and a global average institutional model. According to the results, the following may be noted: institutional modeling of the Russian economy, as a type of transitive economy, can only partially explain institutional development of the Russian Federation. In terms of indicators of institutional factors' statistics, the Russian model of economic growth is close to the model of the former Soviet Republics, and in terms of the growth rate – to the model of BRICS countries.

Key words: economic growth, institutions, institutional factors, economic transit, transition economy

REFERENCES

1. Kornai Ya. What does “Change of the System” mean? [Chto oznachaet “izmenenie sistemy”?]. *Voprosy ekonomiki*. 2008. № 2. P. 99–112.
2. Levkin N. V. Typology of Socio-Economic Systems from the Standpoint of Integral Psychology: the Power of Ideas and Images [Tipologiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem s pozitsiy integral'noy psikhologii: sila idey i obrazov]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki*. 2012. № 4. P. 48–54.
3. Lobanov V. V. Modernization of Public Administration: Problems and Solutions [Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: problemy i resheniya]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2010. № 2. P. 136–145.
4. Tereshchenko D. S. Economic Growth in the BRICS Countries: the Role and the Impact of Institutional Factors [Ekonomicheskiy rost v stranakh BRIKS: rol' i vliyanie institutsional'nykh faktorov]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 86–97.
5. Yasin E., Snegovaya M. Russia's Institutional Problems in the Global Context [Institutsional'nye problemy Rossii v mirovom kontekste]. *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 1. P. 114–128.
6. Beck T., Laeven L. Institution Building and Growth in Transition. *Journal of Economic Growth*. 2006. № 11. P. 157–186.
7. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would Be Great Powers? *International Affairs*. 2006. Vol. 82. № 1. P. 1–19.

Поступила в редакцию 24.09.2013